

П. А. Столыпин и еврейский вопрос в России

Наиболее острым вопросом в России в начале XX в., и это признавалось передовой общественностью, безусловно, был национальный. Так, известный публицист, член кадетской партии А. С. Изгоев отмечал: «Ближайшее будущее русской жизни, насколько можно предвидеть, будет поглощено национальной проблемой. Нашей прогрессивной печати по справедливости может быть брошен упрек, что она избегала национальных вопросов, пыталась от них укрыться, заворочить их хорошими словами. Эту политику пора бросить. Прогрессивная мысль должна смело взяться за разработку этих глубоко жизненных тем, не боясь неизбежных ошибок, обид, неудовольствия консервативных радикалов, не выносящих, когда сон их мозгов нарушается новым взглядом»¹. Получив пост премьер-министра в июле 1906 г., за решение одного из самых сложных вопросов того времени вынужден был взяться П. А. Столыпин.

Как известно, национальный вопрос состоял из нескольких составляющих: финского, польского и еврейского вопросов. И если, по справедливому замечанию А. Лихоманова, «финский и польский вопросы имели все же “внешний” характер, то еврейский вопрос был сутобо “внутренним”»: от его решения во многом зависела именно внутренняя стабильность Российской империи»². Премьер Столыпин не мог не осознавать всю остроту и важность этого вопроса. А вместе с тем, именно ему, последнему реформатору великой Империи, суждено было на долгие годы войти в историю и историографию в роли «главного на Руси погромщика» и «юдофоба».

В целом литература, посвященная П. А. Столыпину и его реформаторской деятельности, огромна. Но в ней едва ли найдется несколько работ, претендующих на детальный анализ национальной политики председателя Совета министров. Чаще в поле зрения историков попадала его аграрная реформа или же социальная политика. И если исследователи и обращались к рассмотрению националь-

¹ Изгоев А. С. Национальные и религиозные вопросы в современной России // Русская мысль. 1908. Кн. 5. С. 123.

² Лихоманов А. И. Я. Гурлянд и еврейский вопрос в России // Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 4. С. 147.

ных проблем, то их внимание в основном привлекали финский и польский вопросы, а еврейский оставался по большей части не изученным. Между тем, еще в 1988 г. в Нью-Йорке вышел составленный А. Серебренниковым сборник свидетельств и документов об убийстве П. А. Столыпина, где среди прочих содержались и отдельные документы по еврейскому вопросу³. Некоторые аспекты «еврейской проблемы» премьера затрагивались в работе С. А. Степанова, также посвященной загадкам гибели П. А. Столыпина⁴. Особо хотелось бы отметить книгу В. С. Дякина «Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX века)»⁵. Автор впервые в исторической науке поставил вопрос не только о столыпинской аграрной реформе, а о целом комплексе преобразований. Книга, изданная в 1998 г. — это последнее из задуманного ученым, и является незаконченным исследованием. В нее вошли прежде всего материалы из архива историка. Документы, собранные В. С. Дякиным, содержат интересные сведения о том, как центральные власти пытались решать многочисленные проблемы, связанные с жизнью различных народов в многонациональной стране.

Безусловно, введение в научный оборот новых архивных данных, различных документов, в числе которых межведомственная переписка, журналы совещаний, справки, записки, законопроекты, является очень важным моментом. И все же следует признать, что, хотя политика правительства в национальном вопросе является одной из ключевых проблем в истории России, она вместе с тем остается все еще и наименее изученной.

Цель статьи — раскрыть суть еврейского вопроса в дореволюционной России, рассмотреть, каким было отношение к столь важной проблеме П. А. Столыпина, а также проанализировать расстановку политических сил и реакцию различных кругов общественности на политику правительства П. А. Столыпина в еврейском вопросе.

Впервые во всей сложности и многоаспектности еврейский вопрос предстал перед российским правительством после первого раздела Польши. Именно тогда в составе Российской империи оказалось много евреев. До этого вначале Московская, а затем и Петербургская Русь относились к евреям просто: это были «враги Христа»⁶. В целом суть еврейского вопроса в дореволюционной России сводилась к системе законодательно-административных запретов и ограничений для евреев. В 1791 г. Екатериной II официально была установлена так называемая «черта еврейской оседлости», и право русских подданных проживать повсеместно в Империи заменено относительно евреев «дозволением жительства им в 15 губерниях: Бессарабской, Виленской, Витебской, Вольнской, Гродненской, Екатеринослав-

³ Убийство П. А. Столыпина. Свидетельства и документы / Сост. А. Серебренников. Нью-Йорк, 1986.

⁴ Степанов С. А. Загадки убийства Столыпина. М., 1995.

⁵ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX века) / Подгот. И. В. Лукоянов. СПб., 1998.

⁶ Игнатъев Е. И. Еврейский вопрос в России. СПб., 1906. С. 13.

ской, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской, Черниговской и Киевской»⁷.

Некоторые попытки смягчения законодательства о евреях были предприняты в 1859—1879 гг. В царствование Александра II признавалось, что «проживание евреев в других местностях, где они будут составлять незначительное меньшинство, послужит к скорейшему смягчению их национальных особенностей». Но вместе с тем были предприняты некоторые меры осторожности. С целью «постепенности», а также с целью «предотвращения быстрого наплыва в среду населения внутренних губерний чуждого ему элемента, повсеместное жительство в Империи дозволено было лишь следующим категориям евреев: 1) купцам 1-й гильдии; 2) лицам с высшим образованием; 3) лицам, занимающимся цеховыми и нецеховыми ремеслами и 4) лицам, прошедшим военную службу на основании рекрутского устава»⁸. В целом же причиной подобного либерализма послужило, вероятнее всего, осознание правящими кругами необходимости содействовать развитию российской промышленности, как людскими ресурсами, так и капиталами.

В 80-е гг. XIX в. политика правительства в еврейском вопросе начала меняться в сторону новых ограничений, одним из которых был запрет проживания евреев в сельской местности в черте оседлости (закон 3 мая 1882 г.). «Евреев, — как писал И. М. Бикерман, — заперли в города»⁹. Поводом для подобных ограничений стали погромы, прокатившиеся на юге России в 1881 г. Власти объявляли их причиной «эксплуатации евреями деревенского населения». На протяжении 1891—1897 гг. были приняты запреты переселения в Москву и Московскую губернию евреям-ремесленникам и некоторым другим категориям. Если в 1891—1893 гг. в самой Москве проживало, по полицейским данным, около 33 тыс. евреев, то в 1897 г. их оставалось всего 8,2 тыс.¹⁰ С 1899 г. было затруднено переселение в Москву евреев-купцов 1-й гильдии. Одним из серьезных ограничений прав евреев стало также введение в 1886 г. процентной нормы для поступления в учебные заведения, а в 1889 г. и в адвокатуру.

К чему приводили подобные ограничения и запреты на практике? П. Г. Курлов вспоминал, например, что, прослужив всю жизнь в центральной России, он имел лишь общее представление о положении еврейского населения, при этом его осведомленность в этом вопросе ограничивалась сообщениями прессы и толками в обществе. Ситуация изменилась в связи с вступлением Курлова в должность Минского губернатора. Изучив реальное положение дел по еврейскому вопросу, он пришел к выводу, что у правительства нет достаточных оснований для ограничения евреев чертой оседлости. К тому же подобная политика имела ряд

⁷ Алехтров А. Е. Инородцы в России. Современные вопросы. Финляндцы. Поляки. Латыши. Евреи. Немцы. Армяне. Татары. СПб., 1906. С. 50—51.

⁸ Там же. С. 51.

⁹ Бикерман И. М. Черта еврейской оседлости. СПб., 1911. С. 144.

¹⁰ Куповецкий М. С. Еврейское население Москвы (XV—XX вв.) // Этнические группы в городах европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987. С. 61, 64.

негативных последствий. Прежде всего «условия проживания евреев в черте оседлости вызывали уже среди них озлобление к правительству. Если к этому прибавить другие ограничения, в том числе затруднения при поступлении еврейской молодежи в учебные заведения, не только высшие, но даже и средние, то естественно, что она легко примыкала к антиправительственным партиям, чем и объясняется развитие в этих местностях еврейской революционной партии «Фид», сыгравшей значительную роль как в волнениях 1905 года, так равно и в самой Российской революции. Более состоятельная и благоразумная часть еврейства не принимала участия в этом движении, но была не в силах удержать свою молодежь и искоренить в себе чувство раздражения против ограничительных мероприятий правительства»¹¹.

Таким образом, лишенное всяческих прав, сосредоточенное в черте оседлости еврейское население вовлекалось в революционное движение, становилось опасным. Виной тому была недалководидная политика государственной власти, что и признавали наиболее разумные ее представители.

Другим негативным последствием сохранения черты еврейской оседлости, прежде всего для самого государства, была коррупция в среде чиновничества и администрации. «Во время управления Киевской губернией, — писал П. Г. Курлов, — мне вторично пришлось столкнуться с еврейским вопросом. Кроме общих ограничений, с которыми я познакомился уже в Минске, я встретился с новым, которое нельзя не признать по меньшей мере странным. Евреям разрешалось проживать по одной стороне Крещатика — главной улицы города — и запрещалось жительство в другой стороне той же улицы. Губернатор был завален сотнями прошений о разрешении отступить от этого ограничения, прошений, которые восходили для окончательного разрешения к генерал-губернатору. Дела о евреях были сосредоточены в губернском правлении по еврейскому столу. Конечно, такие ограничения создавали обходы и подкупы низших чинов администрации и полиции»¹². Еще одним ярким свидетельством продажности чиновников является случай с Дмитрием (Мордкой) Богровым, проанализированный в исследовании С. А. Степанова¹³.

Следует отметить, что в Петербурге были хорошо осведомлены о состоянии дел на местах, о массовом взяточничестве и коррумпированности чиновников, однако руководство министерства внутренних дел в данной ситуации оказалось бессильным. Здесь требовались изменения законодательного порядка, «что впоследствии и привлекло к себе внимание и усиленные заботы П. А. Столыпина»¹⁴.

Отдельные представители власти еще до П. А. Столыпина осознавали всю остроту и важность решения еврейского вопроса. Тем более понимали это в министерстве внутренних дел, которое непосредственно вело борьбу с революционным

¹¹ Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1992. С. 63—64.

¹² Там же. С. 78.

¹³ Степанов С. А. Указ. соч. С. 119—120.

¹⁴ Курлов П. Г. Указ. соч. С. 78.

движением. В течение 1903—1904 гг. были предприняты новые попытки пересмотра законодательства о евреях. В результате значительно расширился перечень негородских поселений в черте оседлости, а также отменялись некоторые введенные в предыдущие десятилетия ограничения в выборе места жительства «привилегированным категориям евреев»¹⁵.

В премьерство С. Ю. Витте политика по еврейскому вопросу в целом не претерпела значительных изменений. С одной стороны, правительство признавало необходимость и важность предоставления евреям равноправия, как в других цивилизованных странах, с другой — отмечало, что выполнение столь серьезной задачи в данный момент является невозможным. Показательным с этой точки зрения и с точки зрения характеристики взглядов С. Ю. Витте на еврейский вопрос является его разговор с П. Г. Курловым. Пребывая в должности минского губернатора и не понаслышке зная о положении евреев, Курлов «пришел к убеждению, что политика правительства в этом отношении нецелесообразна и влечет за собой только отрицательные результаты». Об этом Курлов сделал официальное заявление в письме товарищу министра внутренних дел Д. Ф. Трепову, настаивая на необходимости равноправия для евреев. Именно это письмо послужило темой разговора Курлова с Витте. На предложение Курлова о еврейском равноправии, премьер ответил, что «не можем же мы утопить всех евреев в Черном море! И раз они составляют часть населения Российской империи и принадлежат к числу русских подданных, — всякие ограничения, не достигающие никакого практического результата, только вредны, вызывая раздражения против власти со стороны целого народа, умного, талантливого и сильного своим экономическим положением. Но и все-таки думаю, что привести предложенную Вами меру не удастся»¹⁶.

Позднее в своих воспоминаниях Витте объяснял, что для того, «чтобы в то время я мог поднять вопрос о предоставлении существенных льгот еврейству, или, вернее говоря, для того, чтобы я мог выставить принцип еврейского равноправия, необходимо, чтобы еврейство усвоило себе совсем иное поведение, нежели то, которому оно следовало. Оно должно во всеуслышание заявить монарху и свое заявление подкрепить соответствующим поведением, что оно ничего от его величества не просит, кроме одного обращения с ними, как со всеми остальными подданными. Между тем в последнее время евреи являются деятелями в различных политических партиях и проповедают самые крайние политические идеи»¹⁷.

Сдержанность политики С. Ю. Витте в еврейском вопросе, между тем, объясняется не только таким «неправильным поведением евреев», но и еще одним обстоятельством, а именно отношением к этому вопросу Николая II. Следует отметить, что с началом первой революции и в дальнейшем по мере развития революционно-

го движения, в русском обществе евреев все чаще ассоциировали с врагами правящего режима, отношение к ним становилось все более и более настороженным. Николай II в данном случае не был исключением. Предпринятая правительством С. Ю. Витте попытка отменить «процентную норму» для приема евреев в учебные заведения, не нашла понимания у Николая II. Непосредственным инициатором отмены этой ограничительной меры выступал министр народного просвещения граф И. И. Толстой. Он придерживался того убеждения, что «самое естественное разрешение еврейского вопроса заключается в приобщении их к национальному образованию». Витте считал эту мысль абсолютно правильной¹⁸. Как видим, в этом вопросе проявилась недальновидность непосредственно царя и некоторых министров — противников отмены этих ограничений.

В недавних исследованиях, между тем, было отмечено то важное обстоятельство, что сохранение в неизменном виде «процентной нормы» приводило к увеличению «слоя "полуинтеллигенции" из числа евреев, сдавших экстерном экзамены за гимназический курс, не всегда полный, часто ценой больших лишений, чтобы, получив профессию фармацевта или зубного врача, вырваться из черты оседлости. По уровню культурного развития они далеко отставали от дипломированной русской интеллигенции. Из этой среды вербовались в немалом количестве и активисты революционных партий»¹⁹. Это еще один пример той парадоксальной ситуации, когда высшие правящие круги, с одной стороны, пытались воспрепятствовать вовлечению в революционное движение все большего числа населения, в том числе и евреев, а с другой — создавали такие условия существования, которые буквально выталкивали еврейскую молодежь в революционный лагерь, способствовали симпатии активной части еврейства политическим партиям.

Именно успешная деятельность по подавлению революционного движения, как известно, была одной из причин стремительного продвижения по служебной лестнице и назначения в июле 1906 г., после отставки И. Л. Горемыкина, на пост председателя Совета министров П. А. Столыпина. В первой публичной декларации Столыпина по вступлении в должность отмечалось, что целью нового правительства является «безусловное поддержание и упрочение порядка и одновременное приготовление и проведение необходимых преобразований»²⁰. Безусловно, объявленное «успокоение» и последующие «реформы» предполагали решение давно назревшей национальной проблемы. «В области еврейского вопроса, — отмечено в декларации, — безотлагательно будет рассмотрено, какие ограничения, как вселяющие лишь раздражение и явно отжившие, могут быть отменены немедленно и какие, как касающиеся существа отношений еврейской народности к коренному населению, являются делом народной совести, почему предпринятие их стеснило бы последующую работу законодательных учреждений»²¹.

¹⁵ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX — начала XX вв. (К постановке проблемы) // Дякин В. С. Указ. соч. С. 32.

¹⁶ Курлов П. Г. Указ. соч. С. 62.

¹⁷ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 328.

¹⁸ Там же. С. 326.

¹⁹ Розенталь И. Москва начала XX века: евреи, власть, общество // Вестник Еврейского университета. 1999. № 1(19). С. 100.

²⁰ Правительственное сообщение // Правительственный вестник. 1906. № 190.

²¹ Там же.

Хорошая осведомленность П. А. Столыпина о сути еврейского вопроса объясняется тем, что начало его служебной деятельности проходило в Ковенской и Гродненской губерниях, которые, как отмечалось выше, официально входили в черту еврейской оседлости. Здесь воочию Столыпин мог убедиться в бесполезности и даже опасности сохранения всевозможных ограничений для еврейского населения Российской империи. Об этой опасности премьеру постоянно сигнализировал его заместитель по МВД, начальник отдельного корпуса жандармов П. Г. Курлов, продолжавший настаивать на том, что «все ограничения в этой области не достигают цели, а вызывают озлобление, крайне опасное для сохранения внутреннего порядка»²².

И хотя рассмотрение еврейского вопроса не являлось приоритетной заботой Столыпина, все же с осени 1906 г. председатель Совета министров начинает искать пути его решения, которые позволили бы в некоторой мере достичь долгожданного успокоения и, пусть частично, но способствовали бы стабилизации внутреннего положения Империи. Интересными являются рассуждения Столыпина по этой проблеме: «В евр[ейском] вопросе каждый этап, каждый шаг должен быть сделан с соблюдением полного хладнокровия, при условии подчинения не чувству, но полит[ической] и государственной необходимости... При этом основным условием должно быть поставлено нами: никакие меры в порядке уступок революционной наглости и никакого ущерба коренному русскому населению, русскому народу»²³.

По воспоминаниям ближайшего сотрудника П. А. Столыпина, графа В. Н. Коковцова, уже в начале октября 1906 г. премьер инициировал обсуждение в правительстве мер по улучшению положения евреев. «Столыпин, — отмечал Коковцов, — просил всех нас высказаться откровенно, не считаем ли мы своевременным поставить на очередь вопрос об отмене в законодательном порядке некоторых едва ли не лишних ограничений в отношении евреев, которые особенно раздражают еврейское население России, не внося никакой реальной пользы для русского населения, потому что они постоянно обходятся со стороны евреев, — только питают революционное настроение еврейской массы и служат поводом к самой возмутительной [кампании] против русской пропаганды со стороны самого могущественного еврейского центра — в Америке»²⁴. Действительно, еще одним важным обстоятельством, которое не мог не учитывать Столыпин, был тот факт, что еврейское население, проживающее в Российской империи, пользовалось поддержкой некоторых влиятельных заграничных кругов. И дальнейшее игнорирование еврейского вопроса, сохранение без изменений всех, без исключения, ограничительных мер могло привести к ухудшению не только внутреннего, но и международного положения Российской империи.

²² Курлов П. Г. Указ. соч. С. 112.

²³ См.: Лихоманов А. Указ. соч. С. 148.

²⁴ Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1903—1919 гг. М., 1992. Книга вторая. С. 206—207.

В целом Совет министров более или менее благожелательно отнесся к намерению П. А. Столыпина пересмотреть существующее законодательство о евреях и отменить некоторые из ограничений. «Наше первое совещание по возбужденному вопросу кончилось тем, — писал В. Н. Коковцов, — что каждое ведомство представит в самый короткий срок перечень ограничений, относящийся к предметам его ведения, с тем, чтобы Совет министров остановился на каждом законодательном постановлении и вынес определенное решение относительно объема желательных и допустимых облегчений»²⁵. Эту работу исполнили в очень короткий срок. Было предложено исключить из законодательства о евреях целый ряд существенных ограничений. Вводились льготы по физическим условиям и параметрам, препятствующим призыву в армию, льготы для поступления в учебные заведения, а также значительно расширился круг лиц еврейского происхождения, имеющих право жительства вне черты оседлости. Несмотря на широкий список льгот, значительно улучшающих положение еврейского населения, все же министр иностранных дел А. П. Извольский считал, например, эти меры недостаточными и предлагал вообще снять все ограничения. Куда более сдержанным было мнение Государственного контролера П. Х. Шванебаха. Он наоборот полагал, что объем предоставленных льгот является слишком большим и предлагал добиваться конечной цели — еврейского равноправия более постепенно, с учетом того, какие последствия будет иметь та или иная дарованная льгота²⁶.

По поводу непосредственно принятия проекта закона об улучшении прав евреев интересные сведения сохранились и в воспоминаниях В. И. Гурко, который в 1906 г. был назначен на пост товарища министра внутренних дел. Человек правых взглядов, В. И. Гурко не принадлежал к числу защитников разработанного департаментом общих дел МВД проекта по улучшению прав еврейского населения. Он, как и П. Х. Шванебах, считал этот документ несвоевременным и не достигающим цели. И все же, выступая на заседаниях Совета, с самого начала Гурко не делал резких выпадов против проекта, подписанного непосредственно его шефом — П. А. Столыпиным. Поводом для резкого выступления послужило заявление В. Н. Коковцова о том, что «всякие меры относительно евреев бесполезны. Евреи настолько ловки, что никакими законами их путь не преградишь. Совершенно бесполезно запирают им куда-либо двери — они тотчас находят те отмычки, которыми эти двери можно открыть»²⁷.

В. И. Гурко вспоминал:

«Оставить без возражения такое странное заявление я был не в силах.

— Первый раз слышу, — заметил я, — что если где замки не действуют, ибо их открывают отмычками, то их надо просто снять. Одно из двух: ибо присутствие евреев безвредно, и [следует] в таком случае упразднить все установленные по отношению

²⁵ Там же. С. 207.

²⁶ Там же. С. 208.

²⁷ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 594.

к ним правоограничения, и в первую очередь упразднить черту оседлости, или, наоборот, они являются разлагающим элементом, и в таком случае, если навешенные против них замки недействительны, то [нужно] заменить их засовами или чем-либо иным, отвечающим цели»²⁸.

Помощник товарища министра внутренних дел Гурко считал, что принятие частных мер в смысле уравнивания прав евреев с правами остальных граждан может иметь только сугубо отрицательные последствия, поскольку это не удовлетворяет евреев, не ослабит их революционности, но даст им большую возможность бороться с правительством.

Следует подчеркнуть, что еврейский вопрос обсуждался на заседаниях Совета министров в строго конфиденциальном порядке. А до обсуждения в Совете все материалы по еврейскому вопросу, согласно указанию П. А. Столыпина, вообще должны были держаться в абсолютном секрете²⁹. Но вместе с тем понятно, что тайна эта была относительна, и заинтересованные круги всегда умудрялись быть в курсе того, что происходило в Совете.

В самом же российском обществе, и прежде всего, среди образованной его части, еврейский вопрос вызывал неподдельный интерес. Он обсуждался в печати, и при этом высказанные мнения отличались полярностью и категоричностью. Так, например, в появившемся в 1906 г. очерке директора народных училищ А. Е. Алектрова, посвященном положению инородцев в России, значительное место уделено и еврейскому вопросу. Давая характеристику еврейской нации, Алектров в частности отмечал, что евреи «представляют собой один из наиболее характерных антропологических типов, удерживающий веками свои особенности, несмотря на различные географические и другие условия, при которых ему приходилось существовать в разных частях света. Составляя везде обособленные группы, евреи, где им представляли полные права, даже в странах с высшей культурой, забирают в свои руки и власть, и богатство, а вместе с тем подчиняют своей воле народы»³⁰. Далее Алектров останавливается на примерах такой «разрушительной» деятельности евреев в России, обвиняя их вместе с прочим в революционности, предательстве и в страсти к наживе. «Едва появилась в России золотая валюта, — приводит один из примеров Алектров, — сейчас же сделались известными приемы евреев относительно пущенных в обращение имперялов и полуимперялов. Монеты стали чистить наждачной бумагой и вытирать сукном. Золото — металл мягкий и легко стирается [...] Правительство обратило затем внимание на подобные операции, и в настоящее время банки и казначейства, принимая золото, взвешивают его»³¹.

²⁸ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 594—595.

²⁹ Об этом свидетельствуют современники П. А. Столыпина. См.: Гурко В. И. Указ. соч. С. 595; Ковцов В. Н. Указ. соч. С. 206. Подтверждением может служить и записка А. Д. Арбузова на имя Н. В. Плеве. См.: Дякин В. С. Указ. соч. С. 130.

³⁰ Алектров А. Е. Указ. соч. С. 39.

³¹ Там же. С. 48.

Учитывая все поведение и деятельность евреев, автор очерка считает существующие для них в России ограничения «весьма ничтожными». В целом же он приходит к заключению, что еврейский вопрос является не вероисповедным и не национальным, а чисто экономическим, и что черта оседлости представляет барьер против вторжения не какой-нибудь веры или национальности, а синдиката, имеющего международную организацию. И даже «равноправие евреев не может служить охраной христиан против этого синдиката»³².

Безусловно, публикаций, носящих явно антисемитский характер, хватало и в прессе. Позднее А. С. Изгоев напишет по этому поводу в «Русской мысли»: «В голах крестьянских масс виноваты евреи, так как еврейские купцы торгуют хлебом за границей. Во всероссийском пьянстве виноваты евреи, так как занимались тайной продажей водки, точно “царев кабак” со вчерашнего дня родился на Руси, точно в деревнях и селах, где не пахнет и духом еврейским, каждая двадцатая изба не составляет тайной корчмы. В железнодорожных и интендантских хищениях виноваты евреи, так как их среда поставляет много подрядчиков, а наши инженеры и интенданты не могут устоять перед искусителем-евреем. В русско-японской войне, как известно, евреи трижды виноваты. [...] Без преувеличения можно сказать, что ни в одном вопросе журналисты не лгут так бессовестно и так колоссально, как в еврейском. Если в каком-либо деле замешан хоть один еврей, или хоть в третьем поколении происходивший от евреев, или носящий нерусскую фамилию, этого достаточно, чтобы поднять набат о еврейском заговоре»³³.

Учитывая царящие настроения, министрам, и прежде всего самому премьеру П. А. Столыпину, как инициатору рассмотрения проекта по улучшению прав евреев, было, несомненно, интересно знать, какую реакцию в обществе вызовут попытки решения еврейского вопроса. Поэтому, начиная с октября 1906 г. в «России» появляются публикации общего характера о необходимости снизить напряжение в обществе путем решения столь наболевшей и сложной проблемы. Прямых указаний на то, что вопрос уже рассматривается министрами, естественно не было. Главной мыслью большинства опубликованных в «России» материалов было то, что мирное сосуществование евреев с коренным населением Империи было бы очень выгодно, как, впрочем, было бы очень выгодно и обращение в свою пользу всех выработанных веками качеств, которые стали в руках евреев сильным оружием, особенно теперь, в эпоху денежно-индустриального хозяйства и конкуренции.

Почему именно «Россия» проводила подобный зондаж общественных настроений? Известно, что еще 9 июня 1906 г. П. А. Столыпин издал циркуляр губернаторам № 5378, в котором говорилось о создании нового официального органа печати³⁴. С. Ю. Витте писал по данному поводу, что вместо газеты «Русское госу-

³² Там же. С. 130.

³³ Изгоев А. С. Указ. соч. С. 126—127.

³⁴ Об истории создания правительственного официоза «России» см. подробнее в кн.: Лихоманов А. В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905 — 1907 годах. СПб., 1997. С. 65—91.

дарство» П. А. Столыпин «на правительственные же средства открыл газету “Россия”, которая ранее существовала, но в крайне мизерном виде, поставив редактором Сыромятникова, а главными деятелями того же Гурьева и чиновника министерства внутренних дел ренегата еврея Гурлинда... Столыпин наивно воображал, что таким образом он введет в заблуждение общественное мнение, но, конечно эта наивная хитрость никого в заблуждение не ввела, вся Россия знает, что газета “Россия” есть правительственный орган, содержанный на счет правительства, секретных фондов и доходов “Правительственного вестника”, имеющего большие доходы вследствие массы обязательных документов»³⁵.

И именно потому, что «Россия» воспринималась большинством современников как правительственный официоз, материалы по еврейскому вопросу вызвали волну гневно-негодующих откликов в прессе. А. В. Лихоманов отмечал: «В одном из номеров “Московских ведомостей” говорилось, что предложение газеты “Россия” о том, что при расширении своих прав евреи “найдут больший простор для приложения своей энергии и труда”, звучит “легкомыслием и издевательством”». Орган московских монархистов писал: «Русское императорское правительство... несомненно поспешит отречься от тех не подобающих ему намерений, которые ему приписывает петербургская газета “Россия”». В передовой статье «Долг правительства» редактор «Московских ведомостей» В. А. Грингмут, обращаясь к Столыпину, негодовал: «Кто же может поверить “России”, что на такую, чреватую грозными последствиями “ошибку”... мог бы быть способен теперешний руководитель нашей государственной политики». А «Русское знамя» печатало многочисленные телеграммы местных отделов «Союза русского народа», выражающие возмущение столь «крамольным» намерением правительства»³⁶.

«Политический зондаж», проведенный газетой «Россия», таким образом, действительно позволил правительству лучше представить реакцию различных кругов на предложенные меры по улучшению положения евреев. Сам же проект закона после утверждения его Советом министров, должен был быть представлен на рассмотрение и утверждение государю императору.

Был ли Столыпин уверен в том, что Николай II поддержит новый законопроект? В воспоминаниях П. Г. Курлова содержатся сведения о том, что именно император поручил Столыпину «не возбуждая законодательного вопроса, в административном порядке принять меры к облегчению ограничительных постановлений против еврейства»³⁷.

В. Н. Коковцов отмечал, что «во время подготовительной работы, проводимой правительством, у всех нас было ясное представление о том, что Столыпин возбудил вопрос с ведома государя». Коковцов указывает на то обстоятельство, что премьеру «приходилось подолгу излагать государю свои мысли на основании его опыта в Западном крае и государь ни разу не высказал ему принципиального его

несогласия», но вместе с тем «не было и заранее данного общего согласия, которого Столыпин и не спрашивал у государя, хорошо понимая, что по такому щекотливому вопросу нельзя и требовать, чтобы государь высказался заранее, не ознакомившись с представлением Совета министров»³⁸.

Проект, принятый большинством в Совете министров и поданный на рассмотрение царю, представлял собой постатейную ревизию законодательства о евреях в направлении его либерализации и отмены множества существовавших для евреев ограничений. Так, например, предполагалось отменить «запрет на проживание евреев в сельской местности по всей Империи»; «некоторые особые ограничения относительно постоянного жительства и временного пребывания евреев вне черты общей еврейской оседлости»; «запрет ограничительных постановлений о производстве евреями крепких напитков и о торговле ими»; запрет на включение евреев в правления акционерных обществ, имеющих земельную собственность»³⁹ и т. д.

Премьер П. А. Столыпин, вне всяких сомнений, прекрасно осознавал, что попытка приступить к решению еврейского вопроса вызовет бурю негодования, как это было при проведении им других важных реформ. Во вступительной части «журнала», поданного на рассмотрение царю, отмечалось, что «в данном деле возможно ожидать проявление неудовольствия со стороны самых различных общественных слоев и отдельных лиц, объединяемых общим чувством непримиримой вражды к еврейству. Однако, по глубокому убеждению Совета Министров, это обстоятельство не должно отклонять правительство от пути, начертанного с одобрения вашего императорского величества, в правительственном сообщении 24 августа сего года»⁴⁰.

Председатель Совета министров отдавал себе отчет в ограниченности предлагаемых им мер. «Настоящий проект, — отмечал Столыпин, — разработан в строгом соответствии с теми пределами пересмотра еврейского вопроса, кои намечены в упомянутом правительственном сообщении. В нем не имеется в виду разрешения еврейского вопроса в полном объеме, ибо такая коренная мера не могла бы быть предпринята иначе как в общем законодательном порядке, по заслушивании голоса народной совести, в лице избранных населением представителей. Цель предлагаемого законопроекта более скромная: устранить из еврейского законодательства лишь такие излишние и неоправдываемые условиями настоящего времени стеснения, установление коих в свое время было вызвано потребностями преходящего значения»⁴¹. Тем не менее, Столыпин предполагал, что даже такие частичные уступки внесут умиротворение в еврейскую среду.

³⁵ Витте С. Ю. Указ. соч. С. 316—317.

³⁶ Лихоманов А. В. Указ. соч. С. 104.

³⁷ Курлов П. Г. Указ. соч. С. 112.

³⁸ Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 208—209.

³⁹ См.: Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. М., 1982. Вып. IV. С. 796—800; П. А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. М., 2002. Т. 1. С. 134—137.

⁴⁰ Убийство Столыпина. Свидетельства и документы / Сост. А. Серебрянников. Нью-Йорк: Телекс, 1991. С. 61—62.

⁴¹ Там же. С. 62.

Подавая на рассмотрение Николаю II проект об отмене некоторых ограничительных мер, П. А. Столыпин имел в виду два варианта его утверждения: в чрезвычайном порядке по статье 87 свода основных государственных законов издания 1906 г., или же через Государственную Думу. И хотя сам Столыпин, бесспорно, предпочел бы первый вариант, все же исключительное право выбора способа утверждения законопроекта оставалось за императором, впрочем, в его руках была и судьба проекта в целом.

«Журнал Совета министров пролежал у государя очень долго, — вспоминал В. Н. Коковцов. — Не раз мы спрашивали Столыпина, какая судьба постигла его и почему он так долго не возвращается, и каждый раз его ответ был совершенно спокойный и не предвещал чего-либо для него неприятного. Только 10 декабря 1906 года журнал Совета вернулся от государя к Столыпину»⁴².

«Возвращаю Вам журнал по еврейскому вопросу неутвержденным, — писал Николай II П. А. Столыпину. — Задолго до предоставления его мне, могу сказать, и денно и ночью, я мыслил и раздумывал о нем. Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, — внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велению»⁴³.

Инициатива премьера, таким образом, натолкнулась на мистические настроения императора.

В связи с таким решением Николая II по еврейскому вопросу, необходимо отметить одно очень важное обстоятельство. Еще до обсуждения проекта, члены Совета министров, по предложению П. А. Столыпина, решили, что «в этом вопросе меньшинство Совета подчинится большинству, на чем бы оно ни остановилось, иначе говоря, что журнал Совета по этому делу будет представлен государю с единогласным мнением. Обыкновенно при разногласии в Совете министров государю представлялись оба мнения — большинства и меньшинства, и от Николая II зависело утвердить лобое»⁴⁴. Видимо, это было сделано для того, чтобы ограждать царя от ответственности за принятие того или иного решения по еврейскому вопросу. Ведь признание со стороны императора за евреями некоторых новых прав вызвало бы недовольство со стороны всех правых кругов общественности. Если бы царь, наоборот, отклонил предложенные меры, вопреки мнению хотя бы части правительства, то это усилило бы злобу против него еврейства, и этим также не следовало пренебрегать. Государь же, невзирая на единогласное мнение Совета, не утвердил проект и поступил, таким образом, как бы вопреки всему составу правительства, «приняв, следовательно, всецело на себя всю ответственность за его неосуществление»⁴⁵.

⁴² Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 208.

⁴³ Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 105.

⁴⁴ Гурко В. И. Указ. соч. С. 594—595.

⁴⁵ Там же. С. 595.

По поводу отклонения законопроекта по Петербургу распространялись разные версии. «Рассказывали, — отмечал В. И. Гурко, — что тут главную роль сыграл тот самый Юзефович, который был одним из авторов манифеста об укреплении самодержавия; говорили, что сам Столыпин советовал царю его не утверждать»⁴⁶.

Последнее предположение, однако, является сомнительным: иначе как объяснить тот факт, что в тот же день, когда стало известно о решении Николая II, председатель Совета министров направил ему письмо, в котором предлагал все же найти выход из сложившейся ситуации. «Вашему величеству известно, — писал П. А. Столыпин, — что все мои мысли и стремления направлены к тому, чтобы не создавать вам затруднений и оберегать вас, государь, от каких бы то ни было неприятностей... Теперь для общества и еврейства вопрос будет стоять так: Совет единогласно высказался за отмену некоторых ограничений, но государь не желал сохранить их. Ваше величество, мы не имеем права ставить вас в такое положение и прятаться за вас. Это тем более неправильно, что вы, ваше величество, сами указывали на неприменимость к жизни многих из действующих законов и не желаете лишь в порядке спешности и чрезвычайности даровать от себя что-либо евреям до Думы»⁴⁷. Из письма Столыпина в целом следовало, что, напуганный на нежелание императора утверждать предложенный законопроект в порядке чрезвычайного законодательства, премьер надеялся все же получить от царя формальное одобрение с последующей передачей законопроекта в Государственную Думу.

Настойчивость П. А. Столыпина в итоге увенчалась успехом. И 15 декабря 1906 г. царь наложил на журнал Совета министров резолюцию: «Внести на рассмотрение Государственной Думы»⁴⁸.

В целом, как оказалось, опасение премьера, его нежелание утверждать проект закона именно через Государственную Думу являлось небезосновательным. Например, большинство членов III Думы было настроено или откровенно антисемитски, или очень враждебно по отношению к евреям. Заранее известна была позиция крайне правых депутатов, которые вообще выступали категорически против всяких уступок и послабления в законодательстве о евреях и тем более не собирались поддерживать проект, предложенный П. А. Столыпинам. Думские социалисты и либералы также не хотели портить себе репутацию голосованием в поддержку отмены черты оседлости. «Для оппозиционных партий, составляющих думское большинство, — отмечено в книге А. Серебренникова, — было одинаково неприемлемо как поддержать, так и отвергнуть законопроект. Поддержать, значило признать за “реакционером” и “антисемитом” Столыпина историческую роль инициатора в разрешении вопроса, который должен был считаться неразрешимым в условиях самодержавия. Но не лучше было и провалить его.

⁴⁶ Там же. С. 595—596.

⁴⁷ Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. С. 105.

⁴⁸ П. А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. М., 2002. Т. 1. С. 706.

В глазах общества это можно выразить так, что вот до Столыпина ваялся хотя бы частично улучшить положение евреев, а дурак же либералы воспротивились даже частичному улучшению»⁴⁹.

Таким образом, намерения «погромщика» и «подсоби» П. А. Столыпина в императорском порядке разрешить еврейский вопрос остались нереализованными. Ни II, ни III, ни IV Дума не отменила черту оседлости. Отменилась она хитрым образом уже во время Первой мировой войны. Сам же Столыпин, не получив поддержки царя, стал проводить куда более сдержанную политику в еврейском вопросе. Постепенно, например, несмотря на циркуляр МВД от 22 мая 1907 г., начали возобновляться выселения в черту оседлости значительных групп еврейских ремесленников, продолжала подвергаться ограничениям их предпринимательская деятельность, а в августе 1908 г. Совет министров ужесточил процентную норму по приему в высшую школу, установив ее в 3% для столиц, 5% для других городов вне черты оседлости и 10% в черте⁵⁰.

Ненависть к Столыпину, источаемая крайне правыми и крайне левыми, которым он мешал своей деятельностью, отсутствие поддержки со стороны императора неизбежно обрекали премьера на гибель, как в прямом, так и в переносном смысле.

⁴⁹ Убийство П. А. Столыпина: Свидетельства и документы / Сост. А. Серебрянников. Нью-Йорк, 1991. С. 72.

⁵⁰ Дякин В. С. Указ. соч. С. 53.

Контекст одной пропагандистской акции 1914 года

В 1908 году Россия предпочла унижение; в 1914-м она встретила войну
Э. Грей¹

Цинцлерский кризис 1908 г. оказал сильнейшее влияние на настроения следующего десятилетия в России. Опасность столкновения была весьма велика. В 1916 г. генерал М. В. Алексеев вспоминал, что в 1908 г. он получил приказ в 48 часов привести войска в состояние готовности для отражения возможной австрийской атаки². А 13 (26 февраля) 1908 г. он, тогда еще начальник штаба Киевского военного округа, писал: «Время, по всему видно, тревожное. Говорю лишь о том, что перед моими глазами встает время 1903 г. Та же обстановка, та же энергия мысли и то же нежелание израсходовать у нас грош, чтобы спасти рубли, сделать так что, чтобы, быть может, предотвратить решительные шаги соседа. Словом, та же близость, которая уже была жестоко наказана... Ведь соседи не будут индифферентны, есть у нас что-либо в кармане, готовы мы, желаем мы, а скажут про нас пожалуйте на сцену. И мы снова повторим старую политическую историю: война нас застала врасплох, неготовыми»³.

Новый начальник Главного Управления Генерального штаба (ГУТШ) и бывший командующий войсками КВО ген. Сухомлинов пришел в Петербург с программой ликвидации этого состояния. Владимиру Александровичу Сухомлинову в 1908 г. исполнилось 60 лет. Он имел большой, преимущественно военно-административный опыт. В 1873 г. Сухомлинов окончил Николаевскую Академию Генерального штаба, с 1878 г. служил в ней правителем дел, преподавал тактику в старшем классе Киевского корпуса, Михайловском артиллерийском училище, Николаевском кавалерийском училище, с 1886 по 1898 г. возглавлял Кавалерийскую школу в Санкт-Петербурге, два года после этого командовал 10-й кавалерийской дивизией. Весной 1900 г. от рака печени скончался начальник штаба Киевского округа генерал-лейтенант Е. С. Шимановский, и по желанию командующего округом Сухомлинов возглавил штаб округа. Следует напомнить, что командующим округом был тогда ген. М. П. Драгомиров, не только пользовавшийся популярностью одного из самых луч-

¹ Gray of Fallodon Ed. Twenty-five years 1892—1916 (NY., 1925), vol. 1, 186.

² Pines В. My Russian memoirs (Lnd. 1931), 269.

³ Отдел Рукописей Российской Государственной Библиотеки. Ф. 855. Карт. 2. Ед. хр. 6. Л. 53—53 об.